

**«УМНОЕ УМЕНИЕ»:
В КАКОМ СМЫСЛЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ
О «ТЕЛЕСНОМ ЗНАНИИ»?**

И. Е. Сироткина

Институт истории естествознания и техники РАН, Россия
isiro1@yandex.ru

В статье обсуждается ряд близких понятий, включая «практическое умение», «двигательный навык», «мётис», «техники тела» и «кинестетический интеллект». Общее между ними то, что накопление знания представлено как процесс, зачастую невербальный, на три четверти бессознательный, за который мышечное чувство отвечает в той же мере, что и сознание или мозг. Это общее может быть зафиксировано термином «телесное знание». Телесное знание – эпистемологическая альтернатива *техне*, т. е. кодифицированному практическому знанию, формализованному в правилах и инструкциях. Основой телесного знания можно считать мышечное, или кинестетическое чувство. И. М. Сеченов называл его «темным» на том основании, что такие ощущения редко осознаются, вербализуются и подвергаются рефлексии. Однако внутреннее чувство такого рода нельзя считать полностью противоположным мысли. Это, говоря словами поэта и писателя Варлама Шаламова, «умное умение», особый вид познания. Ниже приводятся и обсуждаются различные смыслы того, что стоит за выражением «телесное знание».

Ключевые слова: умение, двигательный навык, метис, техне, техники тела, кинестетический интеллект.

**“SAGE SKILL”:
IN WHAT SENSE CAN ONE SPEAK OF
“BODILY KNOWLEDGE”?**

Irina E. Sirotkina

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
isiro1@yandex.ru

The article discusses a number of connected concepts including “practical skill”, “movement skill”, “*metis*”, “techniques of the body”, and “kinesthetic intelligence”. They share in common the representation of knowledge as often a non-verbal process, by half and large unconscious, based on muscular sensations as much as on brain and consciousness. The feature that they have in

common can be termed “bodily knowledge”, an epistemological alternative to *techné*, or codified practical knowledge formalized in rules and instructions. Muscular feeling, or kinesthesia is at the foundation of bodily knowledge. I. M. Sechenov called it “dark”, or “opaque”, feeling on the grounds that this kind of sensations are rarely verbalized and reflected upon. Yet, inner sensation of the kind cannot be completely opposed to thinking. Using the poet and writer, Varlam Shalamov’s words, one may call them “sage skill”, a particular kind of knowing. Below there is a discussion of various meaning of the expression, “bodily knowledge”.

Keywords: skill, movement skill, metis, *techné*, techniques of the body, kinesthetic intelligence.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-2-225-250

В заглавии этой статьи использовано выражение из стихотворения Варлама Шаламова «Память»:

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка.

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда

(1957) [Шаламов 1998]

Выросший в тихой Вологде, где и сейчас центральное отопление не везде есть, Шаламов с детства умел работать топором и пилой. Это умение ему наверняка пригодилось, когда не по своей воле он попал на сибирские лесоповалы и прииски. Без телесной памя-

ти о трудовых навыков, без «умного умения» он бы, скорее всего, в ГУЛАГе не выжил. Во всяком случае, пятидесятилетний поэт считал память тела поэт прочнее памяти мозга – тот может и забыть:

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Как мы можем описать эту память тела, это «мышечное знание» (а Шаламов использует глагол «знать») – не поэтическим языком, а более или менее академической прозой? Для этого есть несколько слов-концептов, в чем-то синонимичных: *практическое умение, навык, метис, техники тела, двигательный, или кинестетический интеллект*. Общее между ними то, что накопление знания представлено как процесс, на три четверти невербальный и бессознательный, за который мышцы отвечают в той же мере, что и мозг. К примеру, моя знакомая певица, которая долгие годы пела в хоре, решила начать сольную карьеру на оперной сцене. Она сетует на то, что для этого ей пришлось перестраивать весь участвующий в пении мышечный аппарат, позу и поведение на сцене. Иными словами, знание того, как быть солисткой оперы, в основе своей – мышечное, телесное.

Шаламов сравнивает мышечную память с памятью на стихи, чтением стихотворения наизусть:

Эти точные движенья,
Позабытые давно, –
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

Двигательный навык, согласно поэту, – движения «точные», «умные» и к тому же сливающиеся в поток, в течение стиха. Впрочем, о «слитности» навыка, о «кинетической мелодии» физиологи говорили и раньше, в начале XX века, – правда, в несколько ином смысле. Так, физиолог Николай Бернштейн в книге, подготовленной к печати в 1937 году и оставшейся тогда неопубликованной, пишет

о «координационных “мелодиях”» [Бернштейн 2003, 251]. Так он характеризует пластичность нервной системы, способность к переключению навыка, достижению того же результата с помощью других органов, другого двигательного расклада. В том же «музыкальном» ключе описывают свой двигательный опыт, в том числе, альпинисты. Знаменитый скоростью своих восхождений (он с детства лазал по скалам в Доломитах) Рейнгольд Месснер говорил о «потоке», «мелодии» и сравнивал скалолазание с балетом [Smith 2019, 345].

Кстати, идея этой статьи отчасти инспирирована спорами современного танца с балетом. Дело в том, что с момента своего рождения в начале XX века танец «модерн» противопоставил себя балету с его пуантовой техникой, кодифицированными позициями рук и ног, 32 фуэте и прочими общепринятыми знаками виртуозности. Его участники резко критиковали балет за то, что в нем главное – «виртуозность», техника, а не чувства и мысли. Взамен балетной технике разные танцовщики и хореографы авангарда предлагали эмоциональность, экспрессивность и даже концептуальность. А затем, сначала в Америке, а потом в Европе, возникло движение за «не-танец»: его авторы противопоставили вышколенным телам классических танцовщиков «обыденные» тела новых художников танца. Так, «современные» танцовщики амбициозно давали понять, что балет – рутина, дрессировка и тренаж и что настоящее искусство – именно они.

Не только балет, но и очень далекие от него виды танца – такие, как брейк или акробатический рок-н-ролл – требуют высочайшей техники, длительной подготовки, железной дисциплины. Недавно мне встретилась реклама танцевальных курсов, где предлагалось научить контакту с партнером (в клубных танцах) без присутствия самого партнера. Правда, авторы курса подчеркивали, что рассчитывают на «умных» учеников, с высоким интеллектом. Но может ли интеллект полностью заменить практическое, телесное знание, мышечная память? Это первый вопрос, который мы хотели бы обсудить. И второй – о том, так ли уж «техника» противоположна мышлению, а умелое и дисциплинированное движение исключает мысль? Действительно ли техника, тренаж, «виртуозность» – «безмозглые»? Правило № 40 Сэмюэля Беккета гласит: «Сначала танцуй, думай потом. Таков естественный порядок вещей». Согласно современным хореографам, «танец – это один из способов думать» [Гурская 2019]. Попробуем и мы посмотреть на двигательный навык как на «умное умение», телесное знание.

Двигательный навык и кинестетический интеллект

Научиться плавать в сухом бассейне невозможно, как нельзя освоить езду на велосипеде исключительно теоретически. В практике исключительно важны многочисленные пробы и ошибки; «учиться на ошибках» – это как раз для такой деятельности. «Чтобы выработать интуицию, – пишет философ и антрополог Джеймс Скотт, – необходимо, по крайней мере, единожды ошибиться и испортить дело» [Скотт 2005, 351–352]. Никакая инструкция не позволит новичку проехать на велосипеде с первой попытки – нужно не один раз упасть, чтобы поймать, наконец, в себе чувство равновесия в движении. Или, как пишет физиолог и философ движения, Николай Бернштейн:

Ноги обучающегося начинают чувствовать правильную круговую форму движений стоп и характерное переменное сопротивление, оказываемое педалями. Руки осваивают поворотливость рулевой вилки и приспособляются сочетать ее произвольные повороты с опиранием на нее. Гораздо дольше воспитывается и постепенно обостряется чувство боковых наклонов машины и ощущение того, как влияют на них повороты руля [Бернштейн 1991, 217].

Биомеханическое ядро навыка, который при этом формируется, состоит в «подъезжании центра тяжести под опору». Для автоматизации навыка необходимы новые попытки, как и новые набитые шишки. Тем не менее дело здесь вовсе не в «зазубривании». Повторение нужно для того, что с каждым разом учащиеся приобретают почти незаметные телесные приспособления. По выражению Бернштейна, при образовании навыка происходит *повторение без повторения*. С каждой новой попыткой человек получает все новые потоки как раз тех ощущений, которых не видно со стороны. Эти ощущения от «периферии» движения – проприорецепторов в коже, мышцах, сухожилиях – Бернштейн называет «сенсорными коррекциями» (позже, с приходом кибернетики, он стал говорить об «обратных связях»). Итак, периферия посылает в центр сенсорные сигналы, которые постоянно «корректируют» модель движения в зависимости от складывающейся на периферии ситуации. Так человек учится больше не падать:

Старый инстинкт, связанный с прежним опытом по пространству, может вначале побуждать при крене машины влево поворачивать руль вправо. Мало-помалу инстинкт этот преодолевается, и новичок сам или

по указанию учителя прилаживается откликаться на эти крены влево поворотами руля влево же, так как благодаря им точки опоры велосипеда подбегают под уклонившийся в сторону общий центр тяжести и восстанавливают нарушившееся равновесие [Бернштейн 1991, 217].

Нервная система проделывает огромную работу: «Она должна для этого практически ознакомиться или, как сейчас любят выражаться, *проработать*, – со зловещей иронией добавляет Бернштейн, намекая на партийные “чистки” и “проработки”, – огромное число вариантов движения. Организм должен “напробоваться”, чтобы в действительности *испытать все те ощущения*, которые лягут в основу его сенсорных коррекций» [Бернштейн 1991, 217].

Взгляд Бернштейна на механизм образования навыка сильно отличался от теории И. П. Павлова. Тот считал, что в ходе замыкания условного рефлекса (который он видел в плавном нарастании количества капающей слюны) происходит «проторение нервных путей». Однако автоматизация навыка – это, скорее, внезапный инсайт, «осенение», восклицание «ага!». Обучающийся вдруг чувствует, что вода держит его или что его велосипед сразу приобрел такую устойчивость, как будто у него выросло третье колесо. В момент автоматизации движения наступает разгрузка чувствительности, внимания и мускулатуры – то, что называют «расслаблением». Расслабляется «жесткая узда сенсорных коррекций, которая была необходимой раньше, чтобы не дать движению сойти с рельсов» [Бернштейн 1991, 233–234].

Даже ставший автоматизмом, навык – это *умное* движение. Бернштейн приравнивает двигательный навык не к реакции на стимул, а к решению двигательной задачи, интеллектуальному акту. Он не употреблял слово «интеллект», предпочитая его двигательный эквивалент, «ловкость» (см. об этом ниже). Однако его последователи стали говорить о «телесно-двигательном» или «кинестетическом интеллекте». Одним из первых этот термин использовал современник Бернштейна, психолог А. В. Запорожец, писавший: «Существуют не только двигательные восприятие и память, но и двигательный интеллект, который изучен очень мало» [Запорожец 1948, 163]. Его американский коллега Говард Гарднер предложил теорию множественных видов интеллекта, включая *телесно-кинестетический интеллект (bodily-kinesthetic intelligence)*. Этот вид интеллекта, пишет Гарднер со ссылкой на Бернштейна, есть «способность управлять собственными движениями и умело обращаться с предметами» [Gardner 1983, 208; Сироткина 2018]. Кинестетическим интеллектом

обладает не только человек, но и животные – те, кто способен к обучению, образованию двигательного навыка.

У термина «двигательный интеллект» существуют предшественники. В межвоенные годы в названиях научных работ появилось выражение «мудрость тела»: в 1932 году вышла книга физиолога Уолтера Кеннона с таким названием [Cannon 1932]¹, а пятью годами позже практик движения Мейбл Элсворт Тодд опубликовала книгу «Мыслящее тело» – о том, как с помощью креативных ментальных образов и сознательного расслабления развить утонченную нейромышечную координацию [Todd 1937]. Тогда же в советской России о «мыслящем теле» поэтически написал Осип Мандельштам².

После Второй мировой войны многим стало ясно, что менять основания политической системы нужно, начиная с воспитания. В обновленной идеологии воспитания ценными признавались такие качества, как открытость, осознанность, рефлексия, творчество, свобода, – в противоположность контролю, дисциплине и авторитарности. Внимание к телу, развитие чувства движений, осознание внутреннего состояния стали целями новых систем физического, телесно-двигательного образования. Они пришли на смену системам тренировки, основанным на послушании, дисциплине и конформизме. По словам историка физической культуры Жоржа Вигарелло, в практиках обучения и совершенствования движений, появившихся после войны, главная роль отводилась внутренней стороне движения, ощущению собственного тела [Вигарелло 2016, 177–178]. Новый подход предлагал углубленное самоизучение, осознанное восприятие своего тела и движений, использование воображения и визуализации разных частей тела и его динамики, а также формирование целостного телесного образа.

Стремление развивать и совершенствовать двигательные навыки привело к возникновению целой индустрии телесно-двигательных практик. За прошедшие с того времени десятилетия к прежним

¹ Правда, под «мудростью тела» Кеннон понимал способность организма поддерживать равновесное состояние – гомеостаз. Бернштейн, напротив, с этим не соглашался, считая, что цель организма – активность.

² В стихотворении «Не мучнистой бабочкою белой», написанном в 1935 году:

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну –
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну;
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

[Мандельштам 1990, 461]

специалистам по движению – спортивным тренерам, врачам-реабилитологам, инструкторам по физкультуре и преподавателям танца – прибавились адепты новых систем: техники Александера, метода Фельденкрайза, соматики Томаса Ханна, идеокинезиса Лулу Сейгард, The Body-Mind Approach и других. Многие из них основаны на идеях прочувствования, или осознания движения, телесного знания и кинестетического интеллекта. Когнитивная психология тоже изменилась: в ней появились понятия «embodiment», «embodied mind» (т. е. воплощенный – «во плоти» – разум) и «situated cognition» (ситуативное, приспособленное к обстоятельствам познание) [Johnson 1987; Gallagher 2009]. В наши дни и социологи (следуя Пьеру Бурдьё и его понятию «габитуса») пришли к тому, что «телесное понимание и чувственное схватывание» («fleshly understanding and sentient comprehension») могут и должны использоваться в помощь аналитическим инструментам разума. В том числе антрополог или социолог, изучающий нечто включенный наблюдением, обязан учитывать своё телесное знание [Wacquant 2017, 9]. Последователь Бурдьё, социолог и боксёр Лоик Вакан утверждает, что в основе нашей «социальной компетентности», т. е. практических знаний и навыков, лежат «висцеральное know-how и додискурсивные умения», и этим все мы напоминаем единоборцев («we are all martial artists of one sort or another») [Wacquant 2017, 12].

Хотя терминология и детали могут различаться, эти направления объединяет общая идея: наше знание о мире не трансцендентно, не запредельно этому миру, оно укоренено в нашем теле и его практиках, включая практики движения, взаимодействия с другими людьми и манипуляции с вещами.

Метис, или Хитроумный Одиссей

Уже почти три тысячелетия Одиссей считается эталоном житейской премудрости, практического интеллекта. Гомер называет его «хитроумным» не только потому, что он обманул Цирцею, циклопа Полифема и приказал привязать себя к мачте корабля для избежания соблазна Сирен, но еще и потому, что он постоянно восстанавливал команду и судно. Благодаря опыту, практическим знаниям и гибкой тактике Одиссею удастся перехитрить своих врагов и вернуться домой. «Хитрость», «изворотливость», «находчивость» и «ловкость» не разделены между телом и умом героя, а характеризуют человека в целом. Древние греки называли это одним словом –

«мѣтис» [Detienne, Vernant 1978]. Метис – так звали первую невесту Зевса, которая обманула его отца Хроноса. Она дала Хроносу траву, заставившую его извергнуть старших братьев Зевса (которых Хронос проглотил, боясь, что они восстанут против него). Зевс в свою очередь проглотил Метис, присвоив себе таким образом весь ее ум и хитрость прежде, чем она могла родить Афину. Афина была рождена из бедра Зевса.

Обычно «метис» переводится как «хитрость», «хитроумие». В широком смысле это слово означает огромное множество практических навыков и приобретенных сведений, но в прочной связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением. Социолог Джеймс Скотт предпочитает «метис» таким выражениям, как «местное практическое знание» (local knowledge) или «народная мудрость», поскольку они ограничивают такое знание «традиционными» культурами [Скотт 2005, 353]. Метис же существует в самых современных действиях, совершается на фабрике, в научно-исследовательской лаборатории. Кроме того, «местное знание» слишком статично, чтобы отобразить динамический аспект метиса, связанного с постоянными изменениями. Метис – это быстрая и толковая реакция на непредсказуемые события, будь то перемена погоды или внезапные передвижения противника.

«Метис» можно перевести и как «сноровку», «изворотливость», «ловкость». Хотя «ловкость» – понятие не научное, а житейское (концепт), оно вошло в академический словарь благодаря медикам и создателям систем спортивного и физического воспитания. В России в конце XIX века о развитии ловкости писал Петр Францевич Лесгафт – преподаватель анатомии, основавший первые курсы для подготовки руководителей физического воспитания. В существовавших в то время гимнастических системах упор делался на развитие силы и выносливости. Лесгафт, напротив, считал, что физические упражнения призваны воспитывать не только тело, но и ум ребенка. Критикуя существующие гимнастики за механичность, он предлагал взамен обучаться в ходе «естественных» упражнений и игр. Ребенка надо научить «сознательно управлять [движениями] и приспособлять к препятствиям, преодолевая их с возможно большей ловкостью и настойчивостью». Ребенок должен «приучиться с наименьшим трудом в возможно больший промежуток времени сознательно производить наибольшую физическую работу и действовать изящно и энергично» [Лесгафт 1988, 239]. Сначала от него требуется только правильное выполнение простых двигательных навыков: ходить, бегать, прыгать, бросать. На следующем этапе

навыки должны совершенствоваться: бегать как можно быстрее, прыгать как можно выше. Наконец, на третьем этапе человек научается сознательно управлять своими движениями, рассчитывать их во времени и пространстве и выполнять с максимальной точностью – например, пробежать определенное расстояние в точно заданное время. Это и будет ловкостью.

Илл. 1. Илья Шлепянов. «Ловкое владение телом», начало 1920-х гг.

Ученый следующего за Лесгафтом поколения, Николай Бернштейн, посвятил ловкости целую книгу, где тоже определяет ловкость как эффективное решение двигательной задачи:

Ловкость есть способность двигательнo выйти из любого положения, т. е. способность справиться с любой возникшею двигательной задачей:

- 1) *правильно* (т. е. адекватно и точно),
- 2) *быстро* (т. е. скоро и скоро),
- 3) *рационально* (т. е. целесообразно и экономично) и
- 4) *находчиво* (т. е. изворотливо и инициативно) [Бернштейн 1991, 267].

Однако, в отличие от Лесгафта, он не включает в определение ловкости ни красоту, ни сознание. Рациональное (т. е. целесообразное и экономичное) решение двигательной задачи – например, движение ноги футболиста, забивающего мяч из неудобного положения – происходит молниеносно, без участия сознания. Вот футболист готовится ударить по мячу, но поскользывается и падает:

Правая стопа его прошла правее, чем было нужно, и мяч покатился наискось влево. Прежде чем футболист успел что-нибудь сознательно образовать, его инстинкт и опыт уже осуществляли новое решение той же

задачи: опора после спотыкания передалась на его правую ногу, дала ему прямой удар, которого не могли предвидеть ни его партнеры, ни тем более не ждавший отсюда атаки вратарь противника. Мяч был вбит. Весь эпизод занял вряд ли более двух секунд [Бернштейн 1991, 266].

Автоматизированное, бессознательное умение предвидеть и предугадывать Бернштейн называет *антеципацией* (настаивая на том, что это слово надо писать через «е», так как предлог «перед» звучит как «анте», а не «анти»). Движение начинается одновременно с тем, на которое оно собирается ответить, или *даже раньше его*. Молниеносные и предвосхищающие реакции чрезвычайно важны в рукопашной схватке, в поединке самолетов, фехтовании или боксе. Футбол, бокс, борьба и фехтование требуют мгновенной автоматической реакции на выпады противника. Ловкий, «хитрый» игрок или боец умеет так маневрировать движением, чтобы спровоцировать ответный удар, который он затем использует в своих целях. Бернштейн цитирует гигиениста Ф. Лагранжа:

Старый фехтовальщик бился со столькими противниками, что дошел до точной классификации разных манер и разных темпераментов. После одной-двух «ложных атак» он уже знает не только силу, но и стиль противника. Он угадывает его намерения путем своего рода «исчисления вероятностей», почти равноценного с достоверностью. Каждый день может дать ему новый опыт, так как каждый новый противник – это случай для нового изучения. Важность опытности в фехтовании лучше всего другого доказывается советом, даваемым всеми мастерами, – часто менять противников. Когда достиг известной силы, то уже больше не прогрессируешь, если борешься всегда с одним и тем же противником, хотя бы и хорошим мастером [Бернштейн 1991, 263–264].

Антеципация, мгновенные предвосхищающие реакции важны не только в борьбе. В 2015 году я интервьюировала известного пилота-испытателя и космонавта Игоря Петровича Волка (1937–2017). Он летал почти полвека, причем большую часть этого времени испытывал новую технику. Как ему удалось не только успешно выполнять задания, но и просто сохраниться в такой профессии, где люди долго не живут? В ответ на мой вопрос Игорь Петрович сказал, что у него была способность чувствовать, предвосхищать наступление нештатной ситуации и моментально реагировать, чтобы в эту ситуацию не попасть. Эта способность приходит с опытом: чем больше накопленный опыт, тем больше средств к тому, чтобы *заранее почувствовать* приближение того внешнего события, на которое нужно реагировать. По словам Волка, технику он знал «нутром»,

ощущал телом: «Разве можно обнимать женщину и ее не чувствовать?» – с юмором объяснил он мне. Это телесное «хитроумие», или метис, Волк развил на опыте, проведя за штурвалом 7000 часов, из которых более половины – в испытательных полетах, осваивая все новые летательные аппараты.

Если метис, ловкость, телесное знание приобретаются на практике, выучиваются, то как они соотносятся с другим видом практического знания – формализованным, кодифицированным, или *техне*?

Техне и техники тела

Социолог и антрополог Марсель Мосс «техниками тела» называл культурно-специфичные способы стоять, сидеть, готовить, спать, умываться, выражать эмоции [Мосс 1996]. Мосс приводит в пример стиль плавания. Он и его современники плавали брассом, причем с одной особенностью – на вдохе всасывая воду и потом, на выдохе, ее выплевывая (пловец, шутит Мосс, походил на колесный пароход). Позже получил распространение кроль, но Мосс признается, что так и не смог на него перейти: освоенный им в детстве стиль плавания вошел в его тело, стал частью его самого. Важную роль, по-видимому, сыграла свойственная этому стилю техника дыхания – ведь то, как мы дышим, поддается контролю с большим трудом [Жекулин 1935]³.

Как и метис, техники тела составляют личный опыт или, говоря языком Майкла Поляни, «личностное знание» (*tacit knowledge*) [Поляни 1985]. Они – телесная, воплощенная (во плоти) часть повседневности. Напротив, общее, абстрактное практическое знание обозначается термином «техне». Для греческих философов, особенно для Платона, комментирует Джеймс Скотт, это были знания совершенно разного порядка [Скотт 2005, 370]. Техники тела могут не осознаваться, редко вербализуются и еще реже кодифицируются. В отличие от этого общее прагматично-техническое знание, или *техне*, может быть точно и исчерпывающе выражено в форме строгих и неукоснительных правил, принципов и заключений. Пример

³ Возможно, Мосс не освоил кроль потому, что в брассе у него имелось «чувство воды», а в кроле он так и не смог его приобрести. «Чувство воды», хорошо знакомое хорошим пловцам и спортсменам, состоит в умении «опереться» на воду, «оттолкнуться» от нее. По мнению опытных тренеров, это чувство – результат длительных тренировок, но возникает не во время работы над стилем, а при прохождении на время больших и средних дистанций [Жекулин 1935]. Возможно, Мосс просто не успел наплаваться кролем столько, сколько он до этого в своей жизни наплавался брассом, и при кроле «чувство воды» у него не возникло.

техне я недавно услышала от своей знакомой, бабушка которой была агрономом. Войдя однажды в квартиру друзей и увидя на подоконнике огуречную рассаду, моя знакомая заявила хозяевам (по ее словам, совершенно автоматически): «Ваша рассада нежизнеспособна, она росла без света, слишком вытянулась и побледнела. Выбросьте ее и замочите новые семена». Это техническое знание, вербализованное и кодифицированное, она, по-видимому, унаследовала от бабушки, так как сама никогда огородничеством не занималась.

Тогда как метис связан с личным навыком, возможностью «потрогать», с практическими результатами, техне характеризуется безличной, часто количественной точностью и требует объяснения, проверки, валидизации. Метис контекстуален и специфичен, техне универсален. Наконец, техне наиболее подходит тем видам деятельности, у которых – единственная цель, и цель эта может быть отделена от самой деятельности и измерена количественно. Поэтому техне используется в управлении, в том числе государством и его техническими ведомствами. Но у и метиса есть свои преимущества: он незаменим, когда требуется быстрая реакция, импровизация и умелые последовательные приближения к решению задачи. Метис вступает в дело, когда важно сделать прогноз по недостаточным основаниям – например, оценить по ранним признакам, насколько хорошо или плохо идут дела. Без него не обойтись в ситуациях, которые «временны, изменчивы, неоднозначны и сбивают с толку; ситуации, которые не поддаются точной оценке, строгому анализу и твердой логике». В этих ситуациях эпистемическая альтернатива метису работает «гораздо медленнее, более кропотлива, требует более интенсивного капиталовложения и не всегда убеждает» [Скотт 2005, 362]. Если бы, пишет Скотт, «ваша жизнь зависела от корабля, прокладывающего путь при скверной погоде, вы предпочли бы капитана с большим опытом вместо, скажем, блестящего физика, который умеет анализировать законы плавания, но никогда не управлял судном» [Скотт 2005, 362].

Различение техне и техник тела лежит в основе «итальянской забастовки» (французы называют ее «*grève du zèle*», «забастовка старательности»). Во время такой забастовки работники начинают строго соблюдать правила и инструкции и выполняют только те обязанности, которые указаны в договоре. В результате работа сильно замедляется и даже может полностью остановиться. Итальянская забастовка показывает, что работа с полным соблюдением правил менее производительна, чем проявление инициативы и что действующее производство очень сильно зависит от неофициальных

договоренностей и импровизаций [Скотт 2005, 348]. Еще один пример того, как трудно исполнить движение, действие исключительно на основе инструкции – попытка реконструировать упражнения «музыкального движения»⁴, предпринятая в студии-лаборатории музыкального движения «Терпсихора» (где занимается и автор этой статьи). Некоторые из упражнений, созданные столетие назад, почти утеряны: сохранились только описания и музыка, под которые эти упражнения делаются. Чтобы продемонстрировать читателю, как непросто понять движение из инструкции, приведем упражнение «Ступенчатые вздохи» (выполняется на музыку из оперы «Галька» композитора Монюшко). Вот его описание:

Такты 2–6. На каждом такте – медленный глубокий вдох на «раз-два-три» и быстрый выдох на «четыре». Одновременно верхнее дыхание делает три коротких вдоха без выдохов, грудная клетка каждый раз поднимается на «ступеньку» выше. На «четыре» – полный активный выдох, грудная клетка опускается.

Такты 7–9. Короткие верхние вдохи сопутствуют основному вдоху только на «раз» и на «два» 7-го т.; затем сливаются с ним в полном глубоком вдохе на «раз». На «раз» и на «три» 8-го т. и на «раз» 9-го т. тремя «ступеньками» происходит полный выдох, который продолжается до конца музыкальной фразы. Дальше (на 11–12 и 13–14 тт.) основные вдохи делятся по два такта, сопровождаются короткими верхними вдохами на каждый счет, заканчиваются общими выдохами и т. д.⁵

К счастью, музыкальное движение – это живая практическая традиция, передающаяся, правда, не «изустно» или «из рук в руки», а (как вообще в хореографии) – «из ног в ноги».

В таких ситуациях метис торжествует. Так почему же академия отвергает телесное умение в пользу более абстрактного, кодифицированного знания? Возможно, причина в том, что «открытия» метиса практичны, контекстуальны и привязаны к конкретному времени, а научные рассуждения обещают обобщенные решения [Скотт 2005, 363]. Парадоксально, но низкий статус метиса в академии оказывается продолжением его сильных сторон в практической жизни. Не говорит ли это нам что-то о самом академическом знании? Актуальная практика науки представляет собой нечто совсем другое – в философской литературе ее обычно помещают в контекст открытия, в отличие от контекста обоснования [Bloor

⁴ Музыкальное движение – отечественная традиция свободного танца, которой уже более ста лет; см.: www.dancefrommusic.ru

⁵ Составлено одной из создательниц метода музыкального движения С. Д. Рудневой, см. www.dancefrommusic.ru.

1976, 5; Hoyningen-Huene 2006; Касавин 2008]. Этнометодологи подчеркивают различие между *de facto* практикой в лаборатории, с одной стороны, и кодифицируемой формой знания, изложенного в статьях или сообщениях, с другой [Latour 1987; Hacking 1992; Pickering 1994]. Если доказательство математического закона должно следовать принципам техне, то его открытие требует личностного знания, или метиса. Контексты (условия возможности) открытия настолько сложны и неповторимы, что формальные процедуры принятия решения и выведения рационального умозаключения становятся невозможными.

Ил. 2. Стефанида Руднева. Музыкально-двигательный этюд «Крылья», начало 1920-х гг.

Свой анализ метиса Джеймс Скотт предпринял, чтобы ответить на вопрос (вынесенный в заглавие его книги), «почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни». Почему самые красивые утопии, самые стройные планы усовершенствования жизни почти всегда кончались в лучшем случае ничем, а в худшем – катастрофой для человечества? Почему авторитарные высокомодернистские системы настолько потенциально разрушительны? Ответ, который предлагает Скотт: потому, что они игнорируют, часто до полного подавления, практические навыки, без которых немыслима сложная деятельность. «Многие формы высокого модернизма заменили ценное сотрудничество между этими двумя сторонами знания “имперским” представлением науки, которое отвергает практическое умение как в лучшем случае незначительное, а в худшем – невежественное» [Скотт 2005, 349]. В споре научного и практического знания за приоритет отражена политическая борьба за гегемонию специалистов и их ведомств.

Скотт иллюстрирует это кейсами тейлоризма и рационализации сельского хозяйства. Тейлор понимал под «научным управлением... сбор всего традиционного знания, которым обладали рабочие в прошлом, а затем классификации и сведение этого знания к правилам, законам, формулам» [Скотт 2005, 349]. Все технологические наработки, которые были у рабочих при старой системе, при новой системе должны быть рассмотрены управляющей структурой в соответствии с научными законами. Тейлоризм – это система, где *рацио* полностью контролирует тело. На тейлористской фабрике доступ к знанию и управлению всем процессом имеет только управляющий, а роль рабочего сведена к выполнению небольших, часто минутных операций общего производства. Целью Тейлора, этого, по словам Скотта, гения современных методов массового производства, было разрушение метиса и превращение сопротивляющегося якобы независимого ремесленного населения в более подходящие единицы или «рабочие руки» [Скотт 2005, 349].

Обратимся, хотя бы кратко, и мы к истории рационализации труда в раннем СССР и посмотрим, как иерархия знания, в которой практическое знание подчинено теоретическому, а тело – *рацио*, поддерживается определенным социальным порядком. Причем не только капиталистическим, но и социалистическим.

Навык и *рацио*

В цитировавшемся выше стихотворении «Память» Варлам Шаламов упоминает молоток с зубилом и, думается, делает это не случайно:

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка.

Удар молотком по зубилу стал полигоном, на котором в начале 1920-х годов Алексей Капитонович Гастев (1882–1939) отрабатывал принципы научной организации труда – НОТ. В созданном им Центральном институте труда сотни вчерашних крестьян, будущих рабочих обучались работе по металлу на специальных тренажерах: как держать молоток, как замахиваться и бить по зубилу... Шаламов жил тогда в Москве и, несомненно, слышал о Гастеве и его системе рационализации труда. Не забудем, что Гастев уже был при-

знанным поэтом, чьи сборники (включая «Поэзию рабочего удара») уже вышли несколькими изданиями, а Шаламов – только начинающим.

НОТ сравнивали с тейлоризмом, но Гастев старательно открешивался от «потогонной капиталистической системы» Тейлора. Конечно, и Гастев хотел организовать работу по науке, рационально и стремился к наибольшей эффективности при наименьших затратах: «Искусный организатор – это тот, кто может развернуть дело в сжатых положениях: в ограниченном куске времени, на очень ограниченном, небольшом пространстве, с небольшим количеством инструментов и с ограниченным материалом» [Гастев 1924]. Однако Гастев возражал против абсолютного разделения функций управления и исполнения между людьми – возможно, скорее по идейным мотивам, чем по соображениям эффективности. Советский культ труда предполагал наделение пролетария всеми возможными добродетелями, включая «сознательность», ум и высокий – выше интеллигенции – статус. Гастев поэтому называл рабочего «управленцем», «директором» станка, за которым он работает, а исполнение операции не отделял от ее планирования. Прежде чем браться за работу, рабочему нужно всё распланировать, представить «рабочий чертеж» и вид изготавливаемой детали, чтобы «в голове человека заработало настоящее техническое бюро» [Гастев 1922]⁶.

Ил. 3. Циклосъемка рабочих движений (удар молотком по зубилу) в лаборатории Центрального института труда, середина 1920-х гг.

⁶ Составленная Гастевым памятка «Как надо работать» имела подзаголовок: «Как изобретать». Вспоминается «Ювенильное море» Андрея Платонова – его герой, инженер Вермо, очень похож на визионера Гастева. «Зачем вообще нам труд как повторенье однообразных процессов; нужно заменить его непрерывным творчеством изобретений!» – размышляет Вермо «в тишине большого пространства»; см.: [Платонов 1977, 188].

«Двигательную культуру» Гастев определил как «сумму двигательных привычек и навыков народа»; это – «движение собственно тела, выражающееся в таких актах, как защита организма от нападения, самое это нападение, преследование, двигательная сила, быстрота, то, что называется моторной скоростью, воспитание точности движений» [Гастев 1924]. Работать «культурно» означало «работать ровно, работать в порядке, работать чисто» [Гастев 1922, 27]. В то же время он верил, что создавать новую культуру, как и новую экономику, под силу только государству: «Никогда еще социально хозяйственная роль государства не была так велика, как в наши дни. Поэтому наша культура, очевидно, должна быть в то же время и государственной культурой» [Гастев 1922, 27]. В Пролеткульте Гастев был, пожалуй, самым большим этатистом. Он мечтал, чтобы фабрики в масштабе всей страны превратились в «гигантские лаборатории», где машина организует действия рабочего, воспитывает самоконтроль, дисциплину и интеллект. Новую двигательную культуру Гастев противопоставил «застывшей современной интеллигентской культуре» – сидячему существованию интеллигенции, включая кабинетных ученых и «работников пера». В этом можно увидеть анти-интеллектуализм, а можно – критику разрыва между рацией и телом. «Ловкий и меткий удар, внезапный, прерванный, тонкий, рассчитанный нажим, ловкий перенос и подъем тяжестей, – писал он, – все это должно цениться так же, как высшее интеллектуальное воспитание нашего мозга» [Гастев 1922, 17].

Несмотря на попытку дистанцироваться от тейлоризма, советская НОТ получила все его признаки: разбивку трудового процесса на операции, стандартизацию каждой из них, строгий хронометраж, обучение рабочего трудовым операциям «с нуля», создание новых «трудовых установок». Чем не угодили Гастеву, например, трудовые движения деревенского кузнеца? Ведь его удар молотом по наковальне похож на рубку молотком по зубилу, одному из первых рабочих движений, рационализацией которого занялись в ЦИТе. Деревенский кузнец – кустарь, работает один или с помощником, перенимает ремесло у отца или наставника, имеет свои индивидуальные приемы и сам распоряжается своим временем и силами. За ним – не только трудовой опыт, но и мощный деревенский уклад, и самосознание человека, укорененного в традиции. В отличие от крестьянина и мастерового, рабочий на заводе получает силу не от традиции, а прежде всего от организации и массы. Для этого рабочие операции нужно унифицировать, подчинить одному стандарту, убрав из них индивидуальность, которая проявляется и те-

лесно: почерк, походка и другие движения каждого человека индивидуальны. Зато от массы, где каждый действует одинаково и в одном ритме с другими, исходит почти сверхъестественная сила, способная испугать или, наоборот, воодушевить⁷.

«Обнуление» прошлого трудового опыта, включая крестьянский, подобно тому, как «обнуляли» старое искусство авангардисты, включая Казимира Малевича. Гастев считал крестьянство «сплошной нетронутой целиной» и призывал «идти в деревню как революционные колонизаторы»:

Устройство кузницы, наладка починки инвентаря, правка орудий и инструментов, железная скрепа в деревянном оборудовании, распланировка огорода и тысячи мелких, но показательных дел – вот программа монтажа. Еще доказательнее и поучительнее для крестьянина будут работы по насадке

КУЛЬТУРЫ В ЦЕЛИНЕ,

на пустых, брошенных или отбившихся от рук местах [Гастев 1924].

В пустые, как *tabula rasa*, тела крестьян культуртрегеры пролетариата должны были вписать свои знаки⁸.

Было бы ошибкой полагать, пишет Скотт, что разрушение метиса – непреднамеренный и неизбежный побочный продукт экономического прогресса. Типичная структура кустарного производства, считает он, могла быть эффективной, но почти всегда становилась помехой для капиталистической прибыли. «Разрушение метиса и замена его стандартизированными формулами, узаконенными сверху, входит в проект действия и государства, и крупномасштабного бюрократического капитализма» [Скотт 2005, 376–377]. Хотя Гастев действовал и помогал строить в иной политической системе, иерархия знания осталась прежней: главным считалось

⁷ Одним из первых об этом написал Зигфрид Кракауэр. В армии, на физкультурном параде, на заводе тела людей, утверждает он, складываются в «орнамент масс»: «Не народ – фигуры, образуемые им, сотканы не из воздуха, а непременно вырастают из общности. <...> Что до тех, кто откололся от коллектива и осознает себя отдельной личностью с собственной душой, то такие люди обнаружат свою несостоятельность в формировании новых конфигураций» [Кракауэр 2019, 42]. На фотографиях ЦИТа, многие из которых производят впечатление театральных мизансцен, ровные ряды рабочих одинаково бьют молотками по зубилу.

⁸ Когда-то давно мне прислали на рецензию магистерскую диссертацию Саймона Веррета, ныне известного историка науки. Называлась она красноречиво: «Peasants are NOT working», «Крестьяне НЕ работают» [Werrett 1996]. Каламбур заключается в том, что в английском языке «NOT» – означает и «нет», и знакомую нам аббревиатуру «научная организация труда». Смысл же заглавия состоял в том, что в индустриальном производстве крестьянский труд обесценивается, не считается работой. Это, конечно, общее отношение модернизатора к традиции, подлежащей либо полной отмене, либо кардинальному изменению.

формализованное, кодифицированное знание, а телесное, практическое обесценивалось и отрицалось. В условиях социализма система кустарного производства также была принесена в жертву бюрократическому контролю за массовым производством (огосударственное производство это, увы, так и не стало эффективным). При том и при другом режиме разрушение метиса вело к замене местного и личностного знания знанием абстрактным, обобщенным, легче поддающимся централизации и использованию в бюрократических классификациях. Говоря о превращении человеческого субъекта в предмет наук о человеке, Мишель Фуко связывает возникновение наук о человеке и обществе (включая статистику, демографию, биомедицину) с образованием централизованных государств и бюрократизацией контроля над подданными [Фуко 1994]. В таких государствах, какого бы строя они ни придерживались, рационализованное, формальное знание начинает цениться гораздо выше практического, получая главное место в иерархии видов знания. Возможно, этот социальный порядок и получил название «модернизма».

Ил. 4. Обучение работе по металлу в мастерских ЦИТа, середина 1920-х гг.

Ценность телесного знания

Исчезновение метиса вызывает сожаление отнюдь не всегда. «Умение отстирывать одежду с помощью стиральной доски или на камне на реке требует несомненного искусства, но его с удовольствием потеряли те, кто может позволить себе купить стиральную машину, – пишет Скотт. – Подобным же образом и без большой ностальгии были забыты навыки штопки, когда на рынке появились дешевые носки машинной вязки» [Скотт 2005, 376]. Освобождение от тяжелого труда и нудной работы не ведет к полной потере практического знания, поскольку «ни одна форма производства или социальной жизни не может быть приведена в действие одними формулами, т. е. без метиса». Скотт верит, что личностное и местное знание «ввиду его рассредоточенности и относительной независимости позволяет все, кроме регламентации». Утопическая мечта Тейлора – фабрика, в которой движения каждой пары рук сводились бы к автоматизму, как у запрограммированных устройств, – оказалась нереализуемой. Осталась нереализованной и социалистическая утопия Гастева⁹.

Однако метис быстро не сдает свои позиции, в особенности в таких традиционных видах деятельности, как сельское хозяйство. Здесь для «рационализации» и стандартизации много препятствий – в том числе в виде критики стандартизированной фермерской продукции со стороны потребителей. Как отмечают антрополог С. Б. Адоньева с коллегами, в деревне метис привязан к географическому месту и положению человека в социальной иерархии:

[Метис] сложно вписан в локальный природный и социальный ландшафт, тонко настроен под местные метеорологические условия (разливы рек и становление зимних дорог, время рыбных и охотничьих промыслов). Основанные на нем практики согласованы с иными социальными циклическими процессами, например сезонными визитами в деревню живущих в городах взрослых детей, призывами в армию и детскими каникулами, праздниками и поминальными датами. Обыденное опытное знание согласовано и с социальными иерархиями: потребность времени и обстоятельств, возникшая в результате смены социально-экономической системы, восстановила иерархию старшинства [Адоньева и др. 2017, 38].

С этим они связывают «парадокс метиса»: метис не распределяется демократически. С одной стороны, тело, а значит, и непосред-

⁹ Впрочем, лишь наполовину – ведь ЦИТу, по его собственным оценкам, удалось обучить полмиллиона рабочих для металлопромышленности [Сироткина 1991].

ственный доступ к телесному знанию есть у каждого. С другой стороны, ловкость, сноровка, способности восприятия у разных людей не одинаковы. Для приобретения метиса нужен доступ к опыту и практике, и в этом также проявляется неравенство. Наконец, метис достается ценой подчинения, ученичества, самодисциплины, т. е. включения в социальную иерархию (которая может противостоять демократии) [Адоньева и др. 2017, 39]. Однако во влеченности метиса в общие практики, образ жизни, телесную и социальную ткань можно увидеть и залог его способности к сопротивлению власти и доминирующему дискурсу. «Метис, хранимый памятью тел и практик, разрушается тогда, когда разрушаются тела и практики. Если тела еще целы и практики существуют, то метис может быть восстановлен» [Адоньева и др. 2017, 35–36].

Философ Джудит Батлер утверждает, что, поскольку «техникам тела» мы научаемся от других людей, с их показа и слов, эти техники всегда даны нам через язык и сознание. А потому телесный опыт предоставляет безграничные возможности для манипулирования индивидом со стороны социума [Butler 1990]. Напротив, Адоньева с коллегами наделяют метис более высокой, в сравнении с дискурсивным знанием, «помехоустойчивостью», т. е. уязвимостью для внешних влияний, прежде всего политических. Дискурсивное знание, считает Адоньева, уязвимей для доминирующего дискурса – его легко перетолковать на идеологический лад. К тому же возможно говорить о прямом, недискурсивном знании. Так, традиционно девочки учились рукоделию «включенным наблюдением», просто смотря за тем, как это делают старшие женщины [Адоньева и др. 2017, 205]. Разницу между знанием дискурсивным, передаваемым через язык и речь, и знанием телесным можно пояснить еще и таким образом. Реальное движение совершается с гораздо бóльшим вовлечением телесного аппарата и порождает более интенсивные и богатые кинестетические переживания, чем речь (которая, конечно, тоже включает движения) [Noland 2009]. Ключевую роль здесь может играть сам процесс обучения новым движениям, незнакомым еще техникам тела. Обучение навыку всегда производит особый опыт – переживание самого движения, которое не сводится к тому, как это движение выглядит в зеркале или описывается словами. Кроме внешней стороны, у всякого движения есть еще и внутренняя сторона, обращенная к самому субъекту. Скотт упоминает об эксперименте, который провел философ Чарлз Пирс:

Пирс просил людей поднимать два тела и решить, которое из них тяжелее. Поначалу их оценка была довольно грубой. Но занимаясь этим в течение длительного времени, люди, в конце концов, научились выявлять весьма незначительные отличия в весе. При этом они не могли точно описать свои ощущения, свои чувства, но их фактическая способность к оценке веса чрезвычайно возросла. Пирс рассматривал эти результаты как свидетельство некоторой подсознательной связи между людьми через «слабые взаимодействия». Однако для нас это свидетельство иллюстрирует рудиментарный вид знания, которое может быть приобретено только практикой, и тот факт, что оно почти не поддается передаче в письменной или устной форме без непосредственной практики (цит. по: [Скотт 2005, 354]).

С тем, что метис всегда требует сознания и вербализации, не согласна и Максин Шитс-Джонстон, в прошлом танцовщица, а ныне феноменолог, последовательница Мориса Мерло-Понти. В нескольких толстых томах она аргументирует значимость «мышечного чувства» – кинестезии и кинестетического интеллекта [Sheets-Johnstone 2011, 439]. Чувство движения, кинестезия, участвующие в приобретении метиса, прекрасно демонстрируют, что телесное знание – больше, чем продукт дискурса, словесных инструкций. Более того, по мере овладения навыком в ходе повторяющихся исполнений движения этот дискурс сам становится обусловлен кинестетически.

Кинестетический опыт, который производят движения и жесты, интересен тем, что при этом могут возникать ощущения, еще не имеющие маркировки. В ходе освоения новых движений, жестов, умений и навыков человек создает новые для себя смыслы, утверждая тем самым свою активность, «агентность», субъектность. Вспомним себя в первом классе, когда мы впервые взяли шариковую или чернильную ручку и учились ей писать. Это был совершенно непонятный кинестетический опыт, еще не прошедший маркировки, не означенный. Поначалу в письме участвует чуть ли не все тело – дети пишат, высунув язык. Наш метис письма достался нам нелегко – у некоторых на всю жизнь осталась на пальцах мозоль. Не менее богатый кинестетический опыт накапливается при обучении письму в других культурах – к примеру, при обучении каллиграфии, искусству писать иероглифы кистью [Сироткина 2016, 171]. Выучившись и став взрослыми, мы, как правило, забываем, какие двигательные ощущения, какой богатый и важный кинестетический опыт породил в нас процесс обучения. Однако произведенное этим опытом телесное знание, по счастью, остается с нами. Если помнить об этом, то созвучия «мышца» и «мысль», «умение» и «ум» не покажутся столь уж случайными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адоньева и др. 2017 – Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю., Петрова Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. Санкт-Петербург: Пропповский центр, 2017.
- Бернштейн 1991 – Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии / под ред. И. М. Фейгенберга. Москва: Физкультура и спорт, 1991.
- Бернштейн 2003 – Бернштейн Н. А. Современные искания в физиологии нервного процесса / под ред. И. М. Фейгенберга, И. Е. Сироткиной. Москва: Смысл, 2003.
- Вигарелло 2016 – Вигарелло Ж. Тренировать тело // История тела. Т. 3. Перемена взгляда: XX век / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Москва: НЛО, 2016. С. 149–184.
- Гастев 1922 – Гастев А. К. Как надо работать. Архангельск: Изд-во Архангельской губернской советской партийной школы им. Ленина.
- Гастев 1924 – Гастев А. К. Новая культурная установка. Сер.: «Органибиблиотека ЦИТ», № 3, изд. 2-е. Москва: ВЦСПС–ЦИТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-kak-nado-rabotat/gastev-kak-nado-rabotat.html#return_n_6 (дата обращения: 22.01.2020).
- Гурская 2019 – Гурская И. Танцрассказ / по мотивам постановки «Автобиография» Уэйна Макгрегора // Топос. Литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/proza/tancrasskaz-po-motivam-postanovki-avtobiografiya-ueyna-makgregora>, published on-line 08/11/2019 (дата обращения: 22.01.2020).
- Жекулин 1935 – Жекулин С. А. Опыт психологического изучения образования навыков стильного плавания // Психомоторика и физическая культура / под ред. П. А. Рудика. Москва: ЦНИИФК, 1935. С. 57–92.
- Запорожец 1948 – Запорожец А. В. Изменение моторики ребенка дошкольника в зависимости от условий и мотивов его деятельности // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Отделение психологии. Вып. 14. С. 125–166.
- Касавин 2008 – Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. Москва, 2008.
- Кракауэр 2019 – Кракауэр Э. Орнамент массы. Веймарские эссе. Пер. с нем. под ред. Н. Федоровой. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2019.
- Лесгафт 1988 – Лесгафт П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста // Избр. педагогические соч. Москва: Педагогика, 1988. С. 228–263.

- Мандельштам 1990 – *Мандельштам О. Э.* «И ты, Москва, сестра моя, легка...». Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии. Москва: Московский рабочий, 1990.
- Мосс 1996 – *Мосс М.* Техники тела // *Общества, обмен, личность.* Москва: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. С. 242–263.
- Платонов 1977 – *Платонов А. П.* Ювенильное море // *Котлован. Ювенильное море. Повести.* Москва: Художественная литература, 1977. С. 116–191.
- Полани 1985 – *Polanyi M.* *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy.* Chicago: University of Chicago Press, 1958; рус. пер.: Полани М. Личностное знание. Москва: Прогресс, 1985.
- Сироткина 1991 – *Сироткина И. Е.* Центральный институт труда – воплощение утопии? // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1991. № 2. С. 67–72.
- Сироткина 2016 – *Сироткина И. Е.* Шестое чувство авангарда: танец, движение и кинестезия в жизни поэтов и художников. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета, 2016.
- Сироткина 2018 – *Сироткина И. Е.* Мир как живое движение: интеллектуальная биография Николая Бернштейна. Москва: Когито-центр, 2018.
- Скотт 2005 – *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. Москва: Университетская книга.
- Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. Санкт-Петербург: А-сacд, 1994; оригинал: Foucault Michel. *Les mots et les choses : une archéologie des sciences humaines.* Paris: Gallimard, 1966.
- Шаламов 1998 – *Шаламов В.* Собрание сочинений: В 4-х т. Москва: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shalamov.ru/library/9/7.html> (дата обращения: 22.01.2020).
- Bloor 1976 – *Bloor D.* *Knowledge and Social Imagery.* Routledge, 1976.
- Butler 1990 – *Butler J.* *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York, 1990.
- Cannon 1932 – *Cannon W. B.* *The Wisdom of the Body.* New York: W. W. Norton, 1932.
- Detienne, Vernant 1978 – *Detienne M., Vernant J.-P.* *Cunning Intelligence in Greek Culture and Society / trans. J. Lloyd.* Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1978, оригинал в: *Les ruses d'intelligence: La metis des grecs.* Paris: Flammarion, 1974.

- Gallagher 2009 – *Gallagher S.* Philosophical antecedents to situated cognition // P. Robbins and M. Aydede (Eds.). *The Cambridge Handbook of Situated Cognition*. Cambridge University Press, 2009. P. 35–51.
- Gardner 1983 – *Gardner H.* *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences*. London: Heinemann, 1983.
- Hacking 1992 – *Hacking I.* *The Self-Vindication of the Laboratory Sciences* // Andrew Pickering, ed. *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 29–64.
- Hoyningen-Huene 2006 – *Hoyningen-Huene P.* Context of Discovery versus Context of Justification and Thomas Kuhn // Schickore J. and F. Steinle, eds. *Revisiting Discovery and Justification: Historical and Philosophical Perspectives on the Context Distinction*. Springer, 2006. P. 119–132.
- Johnson 1987 – *Johnson M.* *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reasoning*. The University of Chicago Press, 1987.
- Latour 1987 – *Latour B.* *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Noland 2009 – *Noland C.* *Agency and Embodiment: Performing Gestures / Producing Culture*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pickering 1994 – *Pickering A.* Objectivity and the Mangle of Practice // Allan Megill, ed. *Rethinking Objectivity*. Durham: Duke University Press, 1994. P. 109–125.
- Sheets-Johnstone 2011 – *Sheets-Johnstone M.* *The Primacy of Movement*. Exp. 2nd ed. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Smith 2019 – *Smith R.* *The Sense of Movement: An Intellectual History*. London: Process Press, 2019.
- Todd 1937 – *Todd M. E.* *The Thinking Body: Study of the Dynamic Forces of Dynamic Man*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1937.
- Wacquant 2013 – *Wacquant L.* Homines in Extremis: What Fighting Scholars Teach Us about Habitus // *Body & Society*. Vol. 20 (2), 2013. P. 3–17.
- Werrett 1996 – *Werrett S.* “Peasants are NOT working”, M. Phil, History of Science, University of Cambridge, 1996, unpublished ms.

Ματeριαλ πoστυπιλ β ρεδακτσιο 22.01.2020